

Борис Гребенщиков:

Строим в рай не войти

— Когда в 85—86-м рок официально разрешили, «Аквариум» быстрее всех вписался в социум. Почему?

— Может, потому, что мы ни с кем никогда не боролись. В отличие от Борзыхина мы про «папу-фашиста» не пели.

— Но сейчас Борзыхина тоже вписался, а вы опять оказались в стороне.

— Не хочется принимать участие в ерунде. Ведь то, чем мы занимались, — это не искусство, а, как мне кажется, какая-то форма магии. И, конечно, социально ангажированным быть не может. И больше того, социум, который пытается нас ангажировать, может лишь уверить себя в успехе этого дела. Что и будет его падением. С одним так и вышло.

— Выходит, что лучший способ ликвидировать систему — не обращать на нее внимания?

— Угу, она, в силу отсутствия подпитки, перестанет существовать. Это известная история, как некий император вызвал духов римских богов и все удивился, какие они побитые, жалкие: им уже мало молились. Вот и у нас то же самое произошло. Ленин и компания оказались без подпитки, и вся наша магическая структура рухнула.

— Строчка из вашей песни — «страшно, когда в доме ни креста, ни ножа». Эта дуалистичность: вот есть крест, вот есть нож. Вот есть любовь, вот — ненависть. Может ли невозможность найти любовь к людям привести к ненависти?

— Если знать магическую традицию, то там нож интерпретируется иначе. Но, в общем... Невозможность найти любовь к людям — это в пер-

вую очередь умственная и духовная ограниченность. К ненависти она вряд ли может привести, поскольку ненависть предполагает все же наличие какого-то потенциала. Она может привести к полной тупости, и тогда уже речь идет не о ноже, а о пустой бутылке. Нож — это все-таки более серьезно. Ведь на самом деле мы говорим о том, что, пока дуальность мира не преодолена, никакого реального созидания быть не может.

— Не кажется ли вам, что, как только человек начал соображать, он сразу поделил мир, и в принципе нельзя достичь единства и, следовательно, спасения?

— Это сказано в начале книги Бытия. В массе своей — невозможно: строим в рай никак не войти. А вообще за историю человечества огромное количество людей

этого добивалось. Все одного и того же ищут — совмещения бога и человека, ответственности, истины. Пути уж больно разные.

— Да, пути разные. У Летова — «возлюби свою мерзость, возлюби свою дрянь». И у вас — «любовь — это все, что мы есть».

— Может, порог скуки мешает мне мерзость и дрянь так уж особо любить. Мне хочется заниматься вещами более интересными.

— Но нам они все же ближе, чем выдавливать из себя по капле раба. Согласитесь, тоже скучное занятие.

— Занятие хорошее, но настолько у Антона Павловича неудачна фонетически формулировка, что мне все время какие-то прыщи представляются, из которых гной выдавливают. Он врач, ему легко, а мне это патологией представляется. Но это моя претензия к его стилю. Не больше.

— Как ощущение человека, который спел о том, что «мы могли бы войти в историю — мы туда не пошли», и который тем не менее вошел в эту историю?

— Нет, в эту историю мы не вошли. История социума — это скучно, а история культуры будет написана не сейчас, а лет через тысячу, через две. И абсолютно не важно, войдем мы туда или нет. Но какую-то часть работы, которая была нам поручена, мы сделали. Это не самонадеянность. Я горжусь не собой, я горжусь тем, что сделано.

А. МОНАХОВ,
О. САПРЫКИНА.

Р. S. Полностью интервью с Борисом Гребенщиковым вы сможете прочитать в музыкальном приложении к «КП» № 33 1/3.